

УДК 35.08

DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-354-360

Совершенствование государственной антикоррупционной политики через призму расширения масштабов использования новых информационных технологий

Ким О.Л.

Доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Фугалевич Е.В.

Доцент кафедры государственного и территориального управления Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Геврасев Н.С.

Специалист 1-й категории отдела энергетических и топливных балансов Управления потребительского рынка Комитета по тарифам Санкт-Петербурга

В настоящей статье рассматриваются вопросы государственной антикоррупционной политики в контексте расширения применения современных информационных технологий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности борьбы с коррупцией в условиях цифровой трансформации общества, что позволит обеспечить прозрачность антикоррупционных мер, оперативность их реализации и доступность для граждан. Цель исследования – определение роли и потенциала современных информационных технологий в развитии антикоррупционных механизмов на государственном и муниципальном уровнях. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: анализ международных рейтингов стран мира по индексу восприятия коррупции; исследование существующих технологий, их возможностей и ограничений; разработка рекомендаций по внедрению инновационных решений. Значимость исследования заключается в создании научных обоснований для интеграции инновационных информационных решений в антикоррупционную политику. Это будет способствовать: повышению уровня доверия граждан к государственным институтам; снижению уровня коррупции.

В результате проведённого исследования были выявлены ключевые направления использования новых технологий и определены перспективы их применения. В тексте статьи и выводах особое внимание уделяется: автоматизации межведомственного взаимодействия; совершенствованию механизмов взаимодействия органов власти с гражданами; минимизации возможностей маскировки коррупционных схем под непредумышленные ошибки. Также подчёркивается необходимость

димость системного подхода к внедрению цифровых решений для: повышения эффективности антикоррупционных мер; обеспечения устойчивого развития государственной антикоррупционной политики в условиях цифровой эпохи.

Ключевые слова: индекс восприятия коррупции, государственная антикоррупционная политика, новейшие информационные технологии, автоматизированные информационные системы

Для цитирования: Ким О.Л., Фугалевич Е.В., Геврасев Н.С. Совершенствование государственной антикоррупционной политики через призму расширения масштабов использования новых информационных технологий // Вестник экономики, права и социологии. 2025. № 4. С. 354–360. DOI: 10.24412/1998-5533-2025-4-354-360.

Коррупция остаётся одной из самых серьёзных проблем, с которой сталкиваются государства по всему миру. В последние десятилетия государства начинают понимать важность построения эффективных систем борьбы с коррупцией. Одним из ключевых направлений в этой борьбе стало внедрение новых информационных технологий, которые могут значительно улучшить прозрачность управлеченческих процессов и повысить эффективность антикоррупционных мер [1].

Эффективное применение информационных технологий позволяет существенно повысить уровень прозрачности и доверия к государственным учреждениям, снижая уровень коррупции. Это требует от государства не только инвестиций в технологии, но и готовности к изменениям в структуре управления и взаимодействии с обществом [2].

В начале исследования коррупционной проблематики в государственном секторе необходимо обратить внимание на рейтинг стран мира по индексу восприятия коррупции и какое место в нем занимает Россия (табл. 1).

Индекс восприятия коррупции (*Corruption Perceptions Index, CPI*) – это ежегодный рейтинг, который оценивает уровень коррупции в государственном секторе разных стран на основе восприятия экспертов и бизнес-сообщества (шкала индекса варьируется от 0 (высокий уровень коррупции) до 100 (практически полное её отсутствие)) [2].

Индекс в основном содержит усреднённые данные, собранные за три последних года, то есть он даёт представление о текущих оценках уровня коррупции экспертами, почти не фокусируясь на происходящих из года в год сдвигах. Данные для расчёта *CPI* собираются из 11 источников, включая опросы, проводимые Азиатским и Африканским банками развития, Всемирным банком и организацией *Freedom House*. Минимальное количество источников для одной страны – три [2].

Индекс составляется международной неправительственной организацией *Transparency International* с 1995 г. Важно отметить, что до 2012 г. данный индекс не являлся сравнимым, т.е. сравни-

вать положения стран можно было только в пределах индекса за конкретный год [2].

Из таблицы 1 видно, что рейтинг России снижается: в 2022 г. страна опустилась на одну строчку по сравнению с прошлым годом, заняв 137-е место в рейтинге восприятия коррупции среди 180 стран мира, набрав 28 баллов и оказавшись между Парагваем и Киргизией [2]. В 2023 г. Россия заняла 141-е место из 180 возможных, разделив позицию с Угандой, Киргизией и Гвинеей [2]. В 2024 г. Россия заняла 154-е место из 180 возможных, набрав 22 балла [2].

Рейтинг России продолжает падать с 2020 г. – тогда страна занимала 129-е место по уровню коррупции (табл. 2) [2].

Как показывает таблицы 2, индекс коррупции в России в среднем составлял 25,64 п. с 1996 по 2024 гг., достигнув исторического максимума в 30,00 п. в 2020 г. и рекордного минимума в 21,00 п. в 2000 г., 2008 г., 2010 г. [2].

Важно отметить, что уровень коррупции в мире в целом растет из-за ослабления демократических институтов.

В настоящее время для решения проблем коррупции в Российской Федерации активно разрабатывается системная политика борьбы с коррупцией и новые методы антикоррупционного регулирования, в том числе в цифровом пространстве. В соответствии с Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 28.12.2024 г.), под коррупцией принято понимать злоупотребление служебным положением, дача или получение взятки, коммерческий подкуп или иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды, либо незаконное предоставление такой выгоды другими физическими лицами, а также совершение этих деяний от имени или в интересах юридического лица [3].

Расширение возможностей сети Интернет и ежегодный рост спроса на дистанционные государственные услуги со стороны граждан России привели к распространению реализуемого на базе

Таблица 1
Рейтинг стран мира по индексу восприятия коррупции с 2012 по 2024 гг.

Позиция	Страна	Место в рейтинге на 2024 г.	Индекс восприятия коррупции												
			2024	2023	2022	2021	2020	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012
1	Дания	1	90	90	90	88	88	87	88	88	90	91	92	91	90
2	Финляндия	2	88	87	87	88	85	86	85	85	89	90	89	89	90
3	Сингапур	3	84	83	83	85	85	85	85	84	84	85	84	86	87
4	Новая Зеландия	4	83	85	87	88	88	87	87	89	90	91	91	91	90
5	Люксембург	5	81	78	77	81	80	80	81	82	81	85	82	80	80
6	Норвегия	5	81	84	84	85	84	84	84	85	85	88	86	86	85
7	Швейцария	5	81	82	82	84	85	85	85	85	86	86	86	85	86
8	Швеция	8	80	82	83	85	85	85	85	84	88	89	87	89	88
9	Нидерланды	9	78	79	80	82	82	82	82	82	83	84	83	83	84
10	Австралия	10	77	75	75	73	77	77	77	77	79	79	80	81	85
	...														
145	Уганда		26	26	26	27	27	28	26	26	25	25	26	26	29
146	Гватемала	146	25	23	24	25	25	26	27	28	28	28	32	29	33
147	Кыргызстан	146	25	26	27	27	31	30	29	29	28	28	27	24	24
148	Мозамбик	146	25	25	26	26	25	26	23	25	27	31	31	30	31
149	ЦАР	149	24	24	24	24	26	25	26	23	20	24	24	25	26
150	Парaguay	149	24	28	28	30	28	28	29	29	30	27	24	24	25
151	Бангладеш	151	23	24	25	26	26	26	26	28	26	25	25	27	26
152	Республика Конго	151	23	22	21	21	19	19	19	21	20	23	23	22	26
153	Иран	151	23	24	25	25	25	26	28	30	29	27	27	25	28
154	Азербайджан	154	22	23	23	30	30	30	25	31	30	29	29	28	27
155	Гондурас	154	22	23	23	23	24	26	29	29	30	31	29	26	28
156	Ливан	154	22	24	24	24	25	28	28	28	28	28	27	28	30
157	Россия	154	22	26	28	29	30	28	28	29	29	29	27	28	28
	...														
179	Сомали	179	9	11	12	13	12	9	10	9	10	8	8	8	8
180	Южный Судан	180	8	13	13	11	12	12	13	12	11	15	15	14	Н/Д

онлайн-платформ сервисного государственного управления (например, ЕСИА «Госуслуги») и стимулировали развитие «онлайн-взаимодействия» между физическими и юридическими лицами (например, заключение контрактов и подписание соглашений при помощи электронных подписей). Согласно программе «Национальная система пространственных данных», предполагается «...увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95 % к 2030 году» [4]. При этом использование новейших технологий в государственном управлении открывает не только дополнительные возможности для упрощения получения гражданами услуг и взаимодействия друг с другом, но и формирует потенциал к сокращению масштабов коррупционных схем.

Тенденции к формированию крупных антикоррупционных проектов с использованием ИТ-технологий и онлайн-платформ устойчиво развиваются с начала 2010-х гг.: подобные проекты впервые начали активно обсуждаться в 2008–2010 гг., когда разгорелся крупный скандал в сфере государственных закупок. На тот момент Президент РФ Дмитрий Медведев предложил проверять заключенные через платформу *zakupki.gov.ru* контракты на статистические аномалии, которые указывают на наличие «откатов» [5] и, в связи с этим главе правительства Владимиру Путину было поручено сформировать действенную систему мониторинга цен, предметов закупки и довести ее до органов, осуществляющих закупки для госнужд [6].

Преимущества использования онлайн-платформ и информационных технологий в рамках антикор-

Таблица 2

Рейтинг России по индексу восприятия коррупции с 1997 по 2024 гг.

Год	Баллы	Место/из
1997	2,3	49/-
1998	2,4	76/85
1999	2,4	82/89
2000	2,1	82/90
2001	2,3	79/91
2002	2,7	71/102
2003	2,7	86/133
2004	2,8	90/146
2005	2,4	126/159
2006	2,5	121/163
2007	2,3	143/179
2008	2,1	147/180
2009	2,2	146/180
2010	2,1	154/178
2011	2,4	143/183
Система расчёта с 2012 г. (по 100-балльной шкале)		
2012	28	133/176
2013	28	127/177
2014	27	136/174
2015	29	119-122/168
2016	29	131-135/176
2017	29	135-141/180

рупционной деятельности основываются, в первую очередь, на исключении «человеческого фактора» – возможности умышленного (часто маскируемого под «непредумышленное») человеческого вмешательства в процесс заключения контракта, подписания документа или осуществления государственной услуги:

1) *При взаимодействии «гражданин – государственный служащий»:* отсутствие прямого личного контакта между получателем и непосредственным исполнителем государственной услуги (уполномоченным государственным служащим), обеспечивающее использование цифрового инструментария, значительно сокращает коррупционные возможности, в том числе дачу взяток, подкуп, неправомерное предоставление приоритетного права на получение государственной услуги. То же самое касается и юридических лиц. Кроме того, применение автоматизированных систем минимизирует влияние «человеческого фактора», что исключает возможность прикрытия коррупционных схем простой ошибкой сотрудника.

2) *При взаимодействии нескольких государственных ведомств/служб между собой посредством автоматизированных информационных систем в рамках оказания государственной услуги* серьезно снижается уровень сетевой коррупции [7].

Так, установление личных связей и «договоренностей» при взаимодействии онлайн крайне затруднительно, что делает координацию потенциальной коррупционной сети сложной или практически невозможной. Кроме того, межведомственный обмен информацией в единой информационной системе сохраняет данные о сотруднике, который направлял документы/сведения другому госоргану или исполнял какое-либо решение – это устраняет анонимность, устанавливая персональную ответственность служащего за каждое выполненное им действие, что также сокращает готовность совершать противоправные деяния.

Одним из значимых факторов «антикоррупционности» выступает автоматизация процедур, снижающая риски ошибок (в том числе преднамеренных «ошибок», которые могут служить прикрытием для коррупционных махинаций) и помогающая государственным служащим ориентироваться в крупных массивах данных. Так, например, передовые антикоррупционные практики применяются в Федеральной налоговой службе Российской Федерации (далее – ФНС РФ).

Автоматизированная информационная система ФНС РФ АИС «Налог-3» (далее – АИС), утвержденная приказом ФНС России от 14.03.2016 г. № ММВ-7-12/134@, представляет собой уникальный по своей обширности инструментарий, обеспечивающий не только эффективный, максимально прозрачный процесс сбора налогов в бюджет, но и минимизирующий риск формирования коррупционных схем и несанкционированного ухода физических и юридических лиц от налогообложения [8]. АИС получает сведения из баз данных других ведомств (ЗАГС, ГИБДД и др.), хранит и автоматически сопоставляет информацию о сделках физических и юридических лиц с целью обнаружения расхождений. В случае нахождения последних срабатывает «маркер недобросовестности», и информация о несоответствии выводится налоговому инспектору, работающему онлайн с документами данного физического и юридического лица. Инспектор при наличии данного предупреждения будет вынужден внимательно в «ручном режиме» проверить данные налогоплательщика и принять решение о дальнейших процедурах в отношении потенциально недобросовестного лица.

При этом факт сработавшего «маркера недобросовестности» сохраняется в системе, что лишает возможности потенциально коррумпированного служащего позднее сообщить, что нарушение просто не было им замечено. Таким образом, любые неправомерные действия инспектора (например, не выставление требований об устранении нарушения или умышленное игнорирование ошибки и закрытие декларации как «заполненной без нарушений» в целях представления незаконной выгоды для фи-

зического или юридического лица) при наличии такого маркера приведут к тому, что против него будет заведено служебное расследование с целью оценки на предмет коррупционной составляющей.

Ещё одной эффективной антикоррупционной практикой ФНС России, основанной на ИТ-инструментах, является автоматизированная система контроля за возмещением НДС из бюджета (АСК НДС) [9]. Это система *Big Data* с элементами машинного обучения, которая автоматически выявляет «утечки» НДС. Она в режиме реального времени отслеживает движение денежных средств, анализирует расхождения между товарными и денежными потоками, а также агрегирует внешние данные: банковские выписки; данные контрольно-кассовой техники; таможенные декларации; маркировки; госконтракты.

Эта система не только оптимизирует объём и качество работы налоговой инспекции, но и существенно снижает возможность создания коррупционных схем. Риск случайного одобрения незаконного возврата НДС при использовании только бумажной декларации значительно выше, чем при работе с АСК НДС. Коррумпированный служащий не сможет сослаться на то, что не обнаружил ошибок при проверке данных, поскольку система находит их автоматически.

Антикоррупционный потенциал современных технологий становится одной из ключевых причин расширения их применения в государственных органах. Наряду с ФНС, передовые практики внедряет Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), которая одной из первых начала использовать распределённые реестры на основе технологии блокчейн. Блокчейн-системы, основанные на принципах прозрачности информации, доверия (запись в системе не может быть изменена), отсутствия посредников (информация записывается и проверяется без участия третьих лиц) позволяют создавать автоматизированные реестры. В этих реестрах сведения о проведённых транзакциях и контрактах вносятся путём консенсуса (сверки с данными, записанными на устройствах других пользователей реестра) и являются общедоступными. Все операции в такой системе отслеживаются, и в случае обнаружения нарушения в цепочке записей пользователи могут определить, на каком этапе была предпринята попытка внести некорректные данные. Это позволяет выявлять противоправные действия коррумпированных должностных лиц [10].

В 2018 г. Ленинградская область стала пилотным регионом для эксперимента Росреестра по регистрации договоров долевого участия с использованием технологии блокчейн. Первый договор долевого участия с применением распределенного реестра был зарегистрирован 26 января 2018 г. К октябрю 2018 г. в рамках проекта было зарегистрировано 894

делки. Использование блокчейна позволило значительно сократить сроки взаимодействия между Агентством ипотечного жилищного кредитования, Росреестром и Фондом защиты прав участников долевого строительства. Если раньше процедура в бумажном формате занимала месяцы, то блокчейн позволил официально оформить и передать информацию из Фонда в Росреестр за пять минут [11]. Достоверность информации подтверждали несколько участников — верифицирующих узлов: Росреестр, Фонд и Агентство. Если бы операция по регистрации договора долевого участия на каком-то этапе подверглась несанкционированному изменению (в том числе при попытке коррупционного вмешательства), другие верифицирующие узлы обнаружили бы и заблокировали недостоверную транзакцию.

Несомненно, с внедрением цифровизации связанны и определённые риски, например — совершение коррупционных действий в криптовалюте [12]. Однако и эта угроза была должным образом оценена и нивелирована. Если в 2018 г. государственным служащим разрешалось не подавать информацию о криптовалютах в справке о доходах (криптовалюты не были включены в форму справки о доходах из-за отсутствия их законодательного регулирования [13]), то к 2022 г. в декларацию уже включили пункт о наличии так называемых цифровых финансовых активов (ЦФА) [14]. Это серьезно сократило возможность использования криptoактивов в коррупционных схемах.

Подводя итог, необходимо констатировать, что внедрение информационных технологий и автоматизация части процессов в государственном управлении в полной мере соответствует основным задачам антикоррупционной политики России. Более того, институционализация цифрового межведомственного взаимодействия и формирование единых автоматизированных систем приводит к тому, что «цифровой след» работающего в системе служащего становится сдерживающим фактором для участия последнего в коррупционных схемах. Аналитические программные пакеты и технологии работы с большими массивами данных поставлены на службу органов государственной власти России: их активно используют ключевые ведомства страны, в том числе — упомянутые выше ФНС и Росреестр. Информационные технологии не только помогают увеличить эффективность работы и снизить нагрузку на служащих, но и выступают противодействием для коррупции.

Таким образом, статистика показывает, что расширение масштабов использования новых информационных технологий в государственной антикоррупционной политике является эффективным инструментом борьбы с коррупцией. Внедрение открытых данных, электронных услуг, блокчейна и искусственного интеллекта может значительно

повысить уровень прозрачности и доверия к государственным институтам. Эти тренды и статистические показатели подчёркивают необходимость и актуальность дальнейших инвестиций в технологии как в метод борьбы с коррупцией [15].

ния Правительства Российской Федерации от 25.08.2023 г. № 1384). URL: <http://government.ru/docs/all/137941/> (дата обращения: 14.10.2025).

5. Сейнароев А. Б. Информационные технологии в реализации антикоррупционных практик на региональном уровне // Вестник экспертного совета. 2015. № 3. С. 123–130. URL: https://ski.ranepa.ru/upload/ski/docs/vestnik/3_2015.pdf.
6. Рентген госзакупок // Газета.Ru. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2010/08/10_a_3406365.shtml?updated (дата обращения: 21.10.2025).
7. Чирун С.Н. Консенсусная (сетевая) коррупция и проблемы эффективности государственной политики // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции. Сб. трудов по итогам Третьей Всеросс. науч. конф. с международным участием. Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН. 2019. С. 91–110.
8. Приказ ФНС России от 14.03.2016 г. № ММВ-7-12/134@. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/16553442/ (дата обращения: 20.10.2025).
9. Система АСК НДС-2 автоматизирует налоговые процедуры и сводит к минимуму влияние человеческого фактора. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn66/news/smi/5713368/> (дата обращения: 20.10.2025).
10. Гумаров И.А., Фарахиев Д.М. Технология blockchain как средство противодействия коррупции // Научный компонент. 2022. № 1 (13). С. 81–87.
11. Бутко А.В. Применение технологии блокчейн в земельном кадастре и реестре недвижимости // Программная инженерия: методы и технологии разработки информационно-вычислительных систем (ПИИВС-2018): Сб. научных трудов II Международной научно-практической конференции, Донецк, 14–15 ноября 2018 г. Т. 1. Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2018. С. 70–74.
12. Мойсиевская А.К. Реализация антикоррупционной политики в условиях цифровизации экономики и общества // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 3. С. 62–68.
13. Минтруд разрешил чиновникам не указывать криптовалюты в справке о доходах // Информационное агентство «РБК». URL: <https://www.rbc.ru/economics/10/01/2018/5a55c7da9a7947ff536d107e> (дата обращения: 21.10.2025).
14. Федеральный закон от 14.07.2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48199> (дата обращения: 22.10.2025).
15. Фугалевич Е.В., Смешко О. Г. Оценка эффективности управления пространственным развитием (муниципальный и региональный уровни) // Вестник экономики, права и социологии. 2023. № 4. С. 124–129.

Литература:

1. Фугалевич Е.В. Цифровая трансформация системы государственного и муниципального управления Российской Федерации на современном этапе // Государственное и муниципальное управление: актуальные проблемы и современные тренды: Сб. науч. трудов II Международной науч.-практической конф., Санкт-Петербург, 17–18 ноября 2022 г. СПб.: Санкт-Петербургский университет управления и экономики, 2023. С. 199–211.
2. Trading Economics – онлайн-платформа, которая предоставляет глобальные экономические показатели, данные о финансовых рынках и инструменты анализа. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/corruption-rank>
3. Федеральный закон от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/bbbd4641125b222beaf7483e16c594116ed2d9a1/ (дата обращения: 22.10.2025).
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 01.12.2021 г. № 2148 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Национальная система пространственных данных» (в редакции постановления

Improving Public Anti-Corruption Policy Through Expanding the Use of New Information Technologies

Kim O.L.

Pushkin Leningrad State University

Fugalevich E.V.

Saint-Petersburg State University of Economics

Gevrasev N.S.

St. Petersburg Tariff Committee

This article explores the issues related to the state anti-corruption policy in the context of expanding the use of new modern information technologies. The relevance of this research is driven by the need to enhance the effectiveness of anti-corruption measures in the digital transformation of society, ensuring transparency, efficiency, and accessibility of anti-corruption measures. The purpose of this study is to identify the role and potential of modern information technologies in the development of anti-corruption mechanisms at the state and municipal levels. The study aims to analyze international rankings of countries based on the Corruption Perceptions Index, examine existing technologies, identify their capabilities and limitations, and provide recommendations for their implementation. The significance of the study lies in creating scientific grounds for integrating innovative information solutions into anti-corruption policy, which will contribute to increasing citizens' trust in public institutions and reducing the level of corruption. As a result of the conducted research, key areas for using new technologies have been identified and prospects for their use have been determined. The text of the article and the conclusions emphasize the automation of interdepartmental interaction and interaction between government agencies and citizens, which results in minimizing the possibility of corruption schemes being disguised as unintentional errors. The article also highlights the need for a systematic approach to implementing digital solutions to enhance the effectiveness of anti-corruption measures and ensure the sustainable development of state anti-corruption policies in the digital age.

Key words: corruption perception index, state anti-corruption policy, latest information technologies, and automated information systems

